

УДК 82.09:821.511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-1-113-122

Антропонимическое пространство современного мордовского романа

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

А. Ф. Юсупов

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация,
faikovich@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Предметом исследования в статье являются семантика и функции антропонимов в современном мордовском романе, процесс приращения смысла и вариаций литературных имён.

Цель статьи: выявить функционально-семантические особенности антропонимов в мордовском романе рубежа XX–XXI вв., их роль в выражении авторской концепции и национального сознания, определить способы именования персонажей в отдельных текстах.

Материалы исследования: романы А. Доронина, А. Брыжинского, Е. Четвергова.

Результаты и научная новизна. Проанализировано антропонимическое пространство современного мордовского романа, рассмотрены значение и функции антропонимов в содержательно-смысловой структуре романного целого. В результате проведённого семантико-функционального и этимологического анализа антропонимов приходим к заключению о том, что имя персонажа в мордовском романе рубежа XX–XXI вв. обладает семантической многоплановостью, выступает как полифункциональный знак – посредством него отражается авторское мировосприятие и интенции, формируется содержательная структура произведения, идейно-символический код, пространственно-временной хронотоп. Кроме идентифицирующей, характеризующей роли литературный антропоним даёт сведения о национальной принадлежности персонажа, становится частью эксплицированной в тексте национальной картины мира, раскрывает социальные, духовно-нравственные проблемы, передаёт подтекстовую информацию. Научная новизна статьи заключается в конкретизации и дополнении функциональных, семантических особенностей антропонимов, уточнении структур имяназвания в мордовском романе последних десятилетий.

Ключевые слова: современный мордовский роман, имя собственное, антропоним, семантика имени, художественная функция, концепция, персонаж

Для цитирования: Шеянова С. В., Юсупов А. Ф. Антропонимическое пространство современного мордовского романа // Вестник урведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 113–122.

Anthroponymic space of a modern Mordovian novel

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

A. F. Yusupov

*Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation,
faikovich@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the subject of the research is the semantics and functions of anthroponyms in a modern Mordovian novel, as well as the process of augmentation of the meaning and variations of literary names.

Objective: to reveal the functional and semantic features of anthroponyms in a Mordovian novel of the turn of the XX–XXI centuries, their role in the expression of the author’s concept and national consciousness; to determine the ways of naming characters in individual texts.

Research materials: novels by A. Doronin, A. Bryzhinsky, E. Chetvergov.

Results and novelty of the research: anthroponymic space of a Mordovian modern novel is analyzed; the meaning and functions of anthroponyms in the content and semantic structure of a novel are considered. As a result of the semantic, functional and etymological analysis of anthroponyms we come to the conclusion that a name of a character in a Mordovian novel of the turn of the XX–XXI centuries has semantic versatility. It acts as a polyfunctional sign; through it the author’s worldview and intentions are reflected, the content structure of a work, the ideological and symbolic code, and the spatial and temporal chronotope are formed. In addition to the identifying, characterizing role, a literary anthroponym provides information about the nationality of a character; it becomes a part of the national picture of the world; it reveals social, spiritual and moral problems and conveys subtext information. The scientific novelty of the article consists in concretizing and supplementing the functional, semantic features of anthroponyms, clarifying the naming structures in a Mordovian novel of recent decades.

Key words: modern Mordovian novel, proper name, anthroponym, semantics of a name, artistic function, concept, character

For citation: Sheyanova S. V., Yusupov A. F. Anthroponymic space of a modern Mordovian novel // *Vestnik ugrovedenia* = *Bulletin of Ugric Studies*. 2022; 12 (1): 113–122.

Введение

В настоящее время онтологическая проблема имени человека и его судьбы, осмысленная А. Ф. Лосевым, Ю. М. Лотманом, П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым и другими философами, становится предметом интерпретации лингвистов, литературоведов, рассматривающих вопросы художественной антропонимики во взаимосвязи с другими эстетическими категориями, признающих именование элементом поэтики текста, конструктивным принципом построения концептосферы произведения. Каждый писатель индивидуально и осознанно подходит к формированию антропонимического пространства своих творений, закладывает в имена персонажей глубинную информацию, ключевую идею текста, «духовные центры» произведения. По утверждению П. А. Флоренского, «объявить имена случайными кличками, а не средоточными ядрами самих образов, – всё равно, что обвинить в субъективности и случайности всю словесность как таковую» [18, 40].

Изучение антропонимического поля художественного произведения осмысливается продуктивной исследовательской стратегией, поскольку актуализирует целый ряд литературоведческих проблем – специфики художественного метода писателя, авторского миромоделирования, особенностей поэтики текста, его аксиологической составляющей. Данный круг вопросов оказывается под пристальным вниманием зарубежных учёных. Разработчиком теории литературной ономастики в немецкоязычных странах выступил Д. Лампинг, предложивший универсальную классификацию функций собственного имени в повествовательном тексте, исходящую из

специфического нарративного способа осмысления мира [26]. Оригинальные научные подходы и гипотезы в решении проблем поэтического имени предложены в работах других исследователей [24; 25; 27; 28].

В отечественной науке литературная ономастика как самостоятельная дисциплина формируется в середине XX столетия. Историю изучения собственного имени в художественном дискурсе связывают с именами В. Н. Михайлова [15], Ю. А. Карпенко [11], О. И. Фоняковой [19], Н. В. Васильевой [4] и других учёных. Так, Н. В. Васильева разрабатывает теорию макротекстологии имени, изучает его текстовые стратегии, заявляет о полифункциональности имени в поэтическом пространстве. Она признаёт предложенную Д. Лампингом классификацию функций собственного имени «законченной и целостной», вместе с тем дополняет её деконструктивной функцией, которой «подвергаются культурно значимые имена» [4, 148]. Изучению функций и семантики имени в произведениях различных авторов посвящены работы современных литературоведов С. Ф. Бут-Гусаим [3], М. М. Глазковой [7], Т. А. Касаткиной [12], Н. А. Мельниковой [14], О. В. Новиковой [16], которые говорят о широком диапазоне, смысловом и формальном варьировании имени, способах и условиях его моделирования, коннотациях, которыми обладает имя в историческом или культурном контексте. Исследователи [5; 6; 13; 20] признают эмоциональные возможности и конструктивную роль имени в выстраивании не только идейно-тематического содержания произведения, но и динамики взаимоотношений, связей между персонажами, свидетельствуют о семантико-стилистическом

потенциале антропонима, «реализующегося в произведении на основе коннотативно-оценочных значений в соответствии с авторским замыслом» [6, 150], определяют полифункциональный код антропонимов, выполняющих в поэтическом пространстве социальную, культурно-историческую, контекстно-стилистическую, характерологическую, эстетическую, мифологическую, символическую, композиционную (перспективация), деконструктивную, концептуальную роль.

Актуальность предпринятого нами исследования состоит в том, что в финно-угорском литературоведении крайне мало работ, посвящённых изучению функциональной семантики антропонимов в художественном дискурсе. Типы, роль, способы именаречения на материале хантыйских сказок описаны С. Д. Дядюн, осмысливающей имя «главным маркером идейно-художественной концепции, отражающим как национальный менталитет народа, так и индивидуальную точку зрения автора» [10, 33]. Предложенные в статье В. И. Дёмина, С. В. Шеяновой [8] положения и умозаключения нуждаются в дополнении, уточнении. В настоящей статье проводится скрупулёзный семантико-функциональный анализ антропонимов в структуре мордовского романа рубежной эпохи, определяется их стилистическая, социально-историческая роль как способа выражения индивидуально-авторской концепции и национального сознания.

Материалы и методы

Материалом исследования явились романы эрзянских писателей А. Доронина «Перепёлка – птица полевая» (1993), А. Брыжинского «У любви краски свои» (2004), Е. Четвергова «Ванечка» (2011), «Здесь и Там» (2013). В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: структурно-семиотический, структурно-семантический, а также методы лингвистического исследования текста – функционально-семантический, сравнительно-исторический.

Результаты

По утверждению исследователей, «имена – это целая знаковая система, характеризующая внутренний мир героев и их взаимоотношения» [20, 21], влияющая на содержательно-семантический модус текста. В процессе создания своего произведения писатель наблюдает жизнь во всех её проявлениях, в том числе анализирует

специфику фамилий, имён и прозвищ, для своих персонажей подбирает такие варианты, которые отражают идейно-содержательную концепцию текста, обладают эмоционально-смысловой, оценочной функциональностью. В поэтической структуре произведения имена несут не только идентифицирующую, характеризующую, эстетическую, текстообразующую, но и коммуникативную нагрузку – оказывают непосредственное воздействие на читателя, рождая в его сознании субъективные ассоциации, побуждают к рефлексии, сотворчеству.

В процессе анализа принципов и моделей именования в современной прозе Н. Г. Бабенко отмечает, что «русская литература имеет богатейшую традицию использования личных имён в качестве средства выражения концептуальных смыслов произведения, и современные литераторы творчески осваивают и развивают классическую поэтику антропонимии» [1, 228]. Данное утверждение справедливо и по отношению к мордовскому роману, характеризующемуся антропоцентричностью, изображением различных проявлений человеческой природы, индивидуальности личности, её духовно-нравственного потенциала, концентрированностью на «выявлении масштаба возможностей человека, определении границ его существования, форм коммуникации с миром, способов самоидентификации и самореализации» [23, 12]. Национальные романисты используют разнообразные способы, типы, вариации именования персонажей, в реалистическом произведении учитывают социальное поле распространения имени, наделяют его обобщённым концептуальным смыслом, раскрывающим авторский замысел.

В романе А. Доронина «Кочкодъкесь – пакся нармунь» («Перепёлка – птица полевая») [9] «сюжетообразующим становятся события рубежа 1980–1990-х годов с характерными для этого периода неустоявшимися тенденциями, сложно переплетающимися проблемами, коллизиями, отразившимися в противоречивых человеческих характерах» [23, 31]. Номинация персонажей произведения обусловлена особенностями нарратива, пространственно-временным хронотопом – изображением жизни провинции. Писатель использует общеупотребительные типичные для современности имена Иван, Павел, Игорь, Трофим, Ольга, Виктор, Захар и другие. Таким образом в реалистическом повествовании прозаик придерживается принципа художественной правды,

«соразмерности и сообразности». Следует говорить о двух типах имянаречения в романе: одни имена и фамилии (Роза, Вечканов, Атякшов) получают семантическую маркировку, становятся характеризующим приёмом, выбор других происходит на уровне творческой интуиции. Об этой стороне творческого процесса П. А. Флоренский писал, что выбор имени «происходит не вполне сознательно, и поэт, опираясь на интуитивно добытое им имя, сам не вполне знает, как дорого оно ему. Но тем не менее не следует преувеличивать эту несознательность поэта: оно не правило. Во многих случаях вдохновение знает, что делает, – не только протекает с необходимостью, но и отдаёт себе отчёт в своей необходимости» [18, 20].

В романе «Перепёлка – птица полевая» двучленная модель именования имя + отчество является достаточно редкой. Отчества применяются для номинации председателя колхоза, представителей райкома, обкома. Так, районного руководителя Герасима Яковлевича Атякшова автор называет только по имени и отчеству. Такое обращение мотивировано не столько социальным статусом чиновника, сколько негативным восприятием автором и героями романа типичного представителя старой бюрократической системы, бездушного, циничного, безынициативного управленца. Орнитологическая фамилия (от эрз. «атякш» – петух) передаёт высокомерный, хвастливый характер персонажа. Для его номинации писатель также оперирует выражениями «сам», «хозяин», «секретарь», отражающими иронично-критическое отношение к эгоистичному бюрократу. Антиномию обращению «хозяин» создаёт форма имени Гераська (так Атякшова зовёт отец), в которой прослеживается пренебрежение, сарказм: «Тебе, Гераська, не людей учить – в клубе на гармони играть...» [9, 10].

Имя главной героини романа Розы Рузавиной имеет метафорическую мотивировку – молодую, красивую, цветущую женщину автор соотносит с цветком, таким образом имя становится средством яркой экспрессивной характеристики героини. Оно гармонирует не только с внешностью гордой, породистой женщины, но и её внутренней сутью. Роза добра и участлива до самопожертвования, добровольно отказывается от личного счастья, не способна на низменный поступок, не обременена тщеславными помыслами. Очевидно, выбор нетипичного для национальной среды имени обусловлен особым

авторским восприятием персонажа. Поэтические звуковые повторы в имени и фамилии (Роза – Руза) выражают определённую экспрессию, придают им дополнительную грацию, очерчивают психологический рисунок образа.

Для именования сельчан используются подчинённые мордовской фонетике формы: Эмель, Олда, Миколь. В данном случае индивидуальные авторские ассоциативные импульсы соотносятся с законом социальной мотивировки имени персонажа: номинация характерна для национальной модели мира и речевой нормы. Важным в именовании этих героев становится его звуковая экспрессия, «обнажённая звукопись» (Н. В. Васильева), которая очень отдалённо и неосознанно вызывает добродушно-ироничные оценочные ассоциации.

В романе А. Брыжинского «Вечкеманть тюсонзо эсензэ» («У любви краски свои») [2] использованы разнообразные формулы именования (имя, имя + отчество, имя + отчество + фамилия, прозвище), несущие различную эмоционально-семантическую нагрузку – нейтральную, официальную, уничижительную. В описании главного героя Петра Паксяськина, молодого специалиста-агронома, окончившего сельскохозяйственную академию в Москве, автор придерживается принципа симметричного соответствия имени характеру. Пётр (с др.-греч. «скала, камень») наделён всеми качествами положительного персонажа – решительностью, силой духа, организованностью, ответственностью, рассудительностью, обладает множеством способностей, испытывает глубокие эмоции. На протяжении всего повествования автор называют своего героя Петром Петровичем. В данном случае официальная форма имени (имя + отчество) призвана передать социальный статус персонажа-интеллекта, а также предельно уважительное отношение к нему самого автора, восхищённого решением Петра возложить на себя сложную общественную роль, ответственность за судьбу и благополучие сельчан.

Характеризующим средством выступает семантически маркированная фамилия Паксяськин (от эрз. «пакся» – поле), дополняющаяся текстообразующей функцией. Процесс приращения имени смыслом идёт непрерывно с развитием сюжета: в герое, который после окончания академии отказывается от карьеры учёного, личного счастья, возвращается в родное село, чтобы возглавить полуразрушенное хозяйство, постепенно

раскрываются черты грамотного руководителя, профессионального специалиста, контролирующего социальные проблемы, знающего запросы людей. Жизнь Паксяськина тесно связана с землёй, определена трудовым началом. Таким образом, номинация персонажа выполняет роль ключа к пониманию его внутреннего состояния, объяснению его действий и поступков, а также осмысливается судьбоносным фактором.

Возлюбленную Петра автор наделяет распространённым именем Наталья (от лат. «родная», др.-евр. «данная Богом»), которое в структуре данного текста приобретает завуалированную семантическую мотивировку. Читатель узнаёт о расставании главного героя с любимой девушкой, которая не пожелала переехать из столицы в далёкую провинцию, концентрирует внимание на взаимоотношениях Петра и Фаины. Однако автор «реанимирует» историю первой любви героя. После расставания, создав семью, Пётр и Наталья продолжали любить друг друга, но пытались заглушить свои чувства, осознавая ответственность перед близкими. Тем не менее девушка оставалась для Петра самым родным человеком (взаимосвязь с именем), она была предназначена ему судьбой. Отметим, что на протяжении всего повествования автор использует краткую форму имени Наташа, что отражает его особое эмоциональное, трепетное отношения к героине.

Для имянаречения персонажей – представителей старшего поколения – А. Брыжинский использует устаревшие, малоупотребительные в настоящее время имена Перфил, Варлам, Серафим, Марфа, что обусловлено авторской идеей воссоздания образа традиционного патриархального деревенского мира. Эти герои призваны отразить преемственность поколений, которая в семантической структуре романа осмысливается жизнеутверждающим онтологическим фактором. Архаизированные формы имени передают локализацию персонажа (сельского жителя), маркируют пространственно-временные координаты текста в целом, способствуют реализации эстетической концепции произведения.

Различные вариации антропонима являются важной составляющей поэтики произведений Е. Четвергова, который использует изобразительную возможность личного имени как знака, содержащего характерологическую, этническую, культурно-историческую, общественную информацию. По утверждению исследователей, представленный в составе заглавия антропоним

находится «в самой сильной позиции» [19, 57]. В романе «Ванине» («Ванечка») [21] вынесенная в заглавие уменьшительная форма имени главного героя становится концептуальной основой произведения, авторским идейным центром. Отказ от «монументальной формы имени» (П. А. Флоренский) следует осмысливать символическим кодом нивелирования, измельчания в личности, а посредством неё в обществе в целом, духовных основ и констант. Выбор формы имени главного героя обусловлен особым вниманием автора к проблемам нравственно-этического, философского содержания, идеей взаимосвязи имени и типа личности, «её онтологической формы, которая определяет её духовное и душевное строение» [18, 107]. Посредством имени в романе отражается внутриличностный, межличностный, социальный, экзистенциальный конфликт: нереализованность человека, его нравственная деградация, модель семейных взаимоотношений, формирование характера под влиянием общественных обстоятельств, деформация универсальных ценностей, традиционных этнических моральных норм.

По утверждению исследователей, эмоционально окрашенные вариации имён становятся «инструментом передачи широкого спектра эмоций, оценок, чувств. Благодаря применению этих форм писатель передаёт тончайшие оттенки взаимоотношений героев» [3, 252]. В анализируемом романе посредством имени переданы авторская оценка персонажа, его социальный статус, а также характер и тональность его взаимоотношений с другими персонажами. Естественно то, что мать называет своего единственного сына Ванечкой, таким образом транслируя ему свою любовь. Однако «имена уменьшительные, выходя за пределы, где подразумеваются чувства особой близости, приобретают вкус явно сладкий и свидетельствуют в таком случае о каком-то размягчении духовного стана культуры» [18, 144]. Обращение ко взрослому мужчине Ванечка раскрывает характер негативного отношения окружающих к персонажу, становится свидетельством авторского презрения к нему, отрицания его образа жизни, демонстрирует его статичность и нравственную деградацию.

Стилистическая окраска имени главного персонажа в романе «Ванечка» несёт не только идентифицирующую, характеризующую функцию, но и информационную нагрузку – отражает реалии действительности второй половины

1980-х – начала 1990-х гг.: развал страны, общественного строя, колхозной системы, негативные явления в армии, безработица, алкоголизм, которые привели к деконструкции нравственных принципов, нивелированию моральных норм, низкой духовности всего общества. Сама эпоха способствовала появлению эгоиста, свободного от обязательств, ответственности перед матерью, окружающими. Автор проецирует маргинальность отдельного человека на социум в целом: судьба Ванечки predetermined обстоятельствами и условиями «переломной» эпохи в истории страны, становится воплощением общественного хаоса, разрушения социальных институтов, традиционного этнического мира, духовно-этических основ бытия. Таким образом имя в романе «Ванечка» дополняется онтологической функцией – актуализирует вопросы о смысле жизни и предназначенности человека как духовного существа.

В эпистолярном романе Е. Четвергова «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там») [22] используется классицистическая модель именования – имена обладают семантической маркировкой, обнажённой «говорящей» внутренней формой. Этимологически ясное значение лексической основы имени открыто выполняет социально-характерологическую функцию, раскрывает психологическую суть персонажа. Тесная духовная взаимосвязь между героями закрепляется семантически близкими антропонимами: Валдай (от эрз. «валдо» – светлый) – мужчина открытый, добродушный, приветливый, Вяяна (от эрз. «вий» – сильная) – не сломленная духом, способная преодолевать жизненные трудности. В контексте романа имя является не только средством отражения авторской концепции, но и способствует глубинному постижению психологии женщины и мужчины, их мироощущения в гендерном аспекте.

По утверждению исследователей, «помимо социально-экономических функций имена собственные наделены и другими функциями – этническими, сакральными, эстетическими, юридическими. У большинства народов в разные эпохи имянаречение сопровождается обрядами, которые подчас раскрывают много неведомых черт их быта, социального строя и верований, их менталитета, языка и культуры, этногенеза и этнической истории» [17, 16]. В романе «Здесь и Там» антропонимы определяют этническую принадлежность героев, отражают особенности

национальной ментальности. Валдай и Вяяна – носители эрзянской культуры, их образ жизни, поступки, поведение обусловлены национальным мировидением, этническими нравственно-этическими постулатами, этнофилософией эрзян. Е. Четвергов использует не реальные личные имена, а вымышленные, сконструированные в соответствии с авторской концепцией мира и личности. По мнению учёных, дохристианский антропонимикон эрзян и мокшан был богат и разнообразен, «основной самобытный именной массив насчитывал не одну сотню имён» [17, 16]. Однако имена Валдай и Вяяна среди них не встречаются. Таким образом прозаик имитирует обращение к восходящим к древнеэрзянскому антропонимикону именам, что обусловлено его стремлением реанимировать традиционную культурную сферу, мировоззрение этноса, его ментальные черты. Следует сказать, что Е. Четвергов в своих романах использует лишь одноставную модель именования персонажей (только имя), что отражает специфику национального сознания (у древней мордвы не было отчеств, фамилий). Употребление писателем этнически маркированных имён способствует раскрытию национальной картины мира в тексте, менталитета эрзянского народа, углубляет категорию этничности в современной мордовской литературе в целом.

По определению исследователей, «прозвище – самый мотивированный вид антропонима в художественном тексте с прямо или косвенно характеризующей семантикой» [19, 45]. Как и имя, прозвище в литературном произведении отличается семантической маркировкой, делающей его «говорящим», оценочным. В произведениях мордовских писателей прозвища характеризуются функциональной многоплановостью. Так, в романе А. Доронина «Перепёлка – птица полевая» колхозного конюха Емельяна Тумова, образ которого написан с шолоховского деда Шукаря, прозвали Казань Эмель. В данном случае прозвище выражает дружески-ироничное отношение окружающих к этому персонажу. Оно придумано односельчанами, но, чтобы сделать образ целостным, автор и сам указывает на мотивацию прозвища героя, его комментарии превращаются в небольшую историю о том, как во время войны солдат-татарин из Казани накормил Эмеля кониной, выдав её за говядину. Так красноречивый, смекалистый эрзянин оказался в неловкой ситуации – был обманут. После войны Эмель

рассказал о случившемся с ним односельчанам, перевернув суть истории в свою пользу. Колоритность образа Тумова достигается его речевой характеристикой: добродушный непосредственный старик наделён особым даром сочинительства, он придумывает разнообразные небылицы. Желание Эмеля приврать, быть в центре внимания создаёт комическую ситуацию, оборачивается его осмеянием.

В романе А. Брыжинского «У любви краски свои» средством номинации членов преступной группировки становятся мифонимы Зевс, Афродита, Аполлон, Дионис. Мифологические аллюзии используются в тексте в ассиметричном варьировании, приёме антономазии – игре именем в его противоположном значении. «Высокими» прозвищами, получающими перекодировку, автором маркируется социальная роль персонажей – представителей маргинальной среды. Если прозвище добродушного Казань Эмеля – приобретённое, данное односельчанами, то члены преступной группировки сами себя именуют древнегреческими богами, иными словами, надевают на себя маску, посредством которой выражают своё отношение к миру, бытовую и социальную философию. Самопозиционирование преступников с архетипическими образами усугубляет резко отрицательную авторскую оценку, вызывает у реципиента негативные ассоциации. Семантика прозвищ в произведении подчёркивает противопоставление высокого божественного и низменного маргинального миров, раскрывает реалии драматической эпохи, проявлением которой стали жестокость, грубость, безнравственность, воплощённые в образах Зевса, Афродиты и других.

В романе Е. Четвергова «Здесь и Там» встречается одно прозвище – Негритянка, так главный герой Валдай называет одну из своих возлюбленных. На наш взгляд, данное вымышленное имя не имеет внутренней мотивировки, лишено социальных коннотаций, не является характерологическим, но несёт фонетическую экспрессию, способствует восприятию женщины с экзотической внешностью. Использование прозвища вместо имени обусловлено ситуацией – любовники вынуждены скрывать свои отношения, с другой стороны, оно передаёт особое отношение мужчины к женщине, вызывающей у него глубокие эмоции. Такая модель номинации любовницы героя создаёт в романе определённую атмосферу таинственности, недосказанности.

Обсуждение и заключение

Высказанные в работе рассуждения подводят к заключению о том, что в современном мордовском романе антропоним становится поэтической доминантой, отражающей концептуальный смысл произведения, раскрывающей авторские интенции, жизненный опыт, мировоззрение, гражданскую позицию, общественные убеждения, духовно-нравственные принципы, отношение к персонажам, а посредством них – к реалиям социума в целом. Каждый писатель субъективно подходит к моделированию антропонимического пространства своего произведения в соответствии с творческим замыслом, эстетическими целями, содержательно-эмоциональным смыслом текста. При выборе имён персонажей авторы придерживаются принципа жизненной достоверности и художественной целесообразности.

В структуре мордовского романа рубежа XX–XXI вв. функционируют антропонимы в разнообразных модификациях и формах – женские и мужские имена, нейтральные и стилистически окрашенные, официальные и прозвища, фамилии. Формула именования «имя + отчество» применяется по отношению к имеющим высокий социальный статус персонажам, а также отражает особое уважительное или напротив негативное авторское отношение к герою. Представлены имена, активные в настоящее время и архаизированные, соответствующие и не соответствующие реальному древнему и современному антропонимикону мордвы. Писатели мастерски используют стилистические возможности имён и их эмоционально окрашенных вариаций. Как компоненты поэтики текста они выполняют большую смысловую, эмоциональную, информационную нагрузку. Имя становится характеромоделирующим и сюжетоструктурирующим средством, выражает авторское отношение к персонажу, способствует отражению национального мировосприятия, этнофилософии, других ментальных характеристик эрзян, включению в повествование культурного контекста, передаёт особенности местного колорита.

Высказанные в статье положения доказывают необходимость активного изучения антропонимического пространства финно-угорской литературы, поскольку имя является кодом к идейно-образной, проблемно-тематической структуре текста, способствует раскрытию концептуальной основы произведения, его символического смысла, подтекстовой информации.

Список источников и литературы

1. Бабенко Н. Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодернизма. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 304 с.
2. Брыжинский А. Вечкеманть тусонзо эсензэ. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 320 с.
3. Бут-Гусаим С. Ф., Потапчук И. В. Прагматическая значимость личных имён собственных в контексте исторической прозы Генриха Далидовича // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 248–255.
4. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
5. Виноградова Н. В. Имя персонажа в художественном тексте: функционально-семантическая типология: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2001. 213 с.
6. Габышева Л. Л., Башарина З. К. Антропонимическое пространство повести «Волки не дремлют» Л. Габышева, И. Зозули: семантика и функции имени // Litera. 2020. № 9. С. 142–150.
7. Глазкова М. М. Лингвопоэтика имени в новейшей русской литературе (на материале прозы Захара Прилепина и Людмилы Улицкой) // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 158–167.
8. Дёмин В. И., Шеянова С. В. Поэтика имени в современном мордовском романе // Финно-угорский мир. 2014. № 1. С. 43–48.
9. Доронин А. Кочкодыкесь – пакея нармунь. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 380 с.
10. Дядюн С. Д. Антропонимия хантыйских сказок // Вестник угроведения. 2015. Т. 5. № 4. С. 33–38.
11. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
12. Касаткина Т. А. К вопросу о функциях имён в произведениях Ф. М. Достоевского // Имя в литературном произведении: художественная семантика. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 231–250.
13. Кузнецова Т. Б., Борисова Т. Г. Традиции и новации в построении антропонимического пространства рассказов Т. Н. Толстой // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 4. С. 113–119.
14. Мельникова Н. А. Имя в системе поэтического языка Велимира Хлебникова: дисс. канд. ... филол. наук. Омск, 2004. 203 с.
15. Михайлов В. Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. Луцк: [б. и.]. 1965. 54 с.
16. Новикова О. В., Лапынина Н. Н. Антропонимическое пространство романа А. Варламова «Душа моя ангел» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). С. 66–76.
17. Сушкова Ю. Н. Юридикологические аспекты имени у мордвы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 16–25.
18. Флоренский П. Имена. М.: Эксмо, 2007. 400 с.
19. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: [б. и.], 1990. 104 с.
20. Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию. В 2 т. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. Т. 1. Антропонимика. Русский язык и культура речи. 512 с.
21. Четвергов Е. Ванине. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. 204 с.
22. Четвергов Е. Тесэ ды Тосо. Саранск: [б.и.], 2013. 180 с.
23. Шеянова С. В. Современный мордовский роман (1980–2000-е гг.): типология, проблематика, поэтика: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2014. 41 с.
24. Debus F. Funktionen literarischer Namen // Onomastika. 2003. Vol. 48. Pp. 5–15.
25. Kohlheim V. Hengst K. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie // Namenkundliche Informationen. 2004. № 85/86. Pp. 17–31.
26. Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. Bonn: Bouvier, 1983. 135 p.
27. Leal A. Affirmative Naming in No Name // Names. A Journal of Onomastics. 2004. Vol. 52. № 1. Pp. 3–19.
28. Ferry A. Anonymity: The Literary History of the Word // New Literary History. 2002. Vol. 33. № 2. Pp. 193–214. DOI: 10.1353/nlh.2002.0015

References

1. Babenko N. G. *Yazyk i poetika russkoj prozy v epohu postmodernizma* [Language and poetics of Russian prose in the postmodern era]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2010. 304 p. (In Russian)
2. Bryzhinskiy A. *Vechkemant' tyusonzo esenze* [Love has its own colors]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004. 320 p. (In Erzya)
3. But-Gusaïm S. F., Potapchuk I. V. *Pragmaticheskaya znachimost' lichnyh imen sobstvennyh v kontekste istoricheskoy prozy Genriha Dalidovicha* [Pragmatic significance of personal names in the context of the historical prose of Heinrich Dalidovich]. *Vestnik Shchadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University], 2019, no. 3 (43), pp. 248–255. (In Russian)
4. Vasilyeva N. V. *Sobstvennoe imya v mire teksta* [A proper name in the world of text]. Moscow: «LIBROKOM» Publ., 2009. 224 p. (In Russian)
5. Vinogradova N. V. *Imya personazha v hudozhestvennom tekste: funkcional'no-semanticheskaya tipologiya* [Character name in fictional text: functional and semantic typology]. Tver, 2001. 213 p. (In Russian)

6. Gabysheva L. L., Basharina Z. K. *Antroponimicheskoe prostranstvo povesti «Volki ne dremlyut» L. Gabysheva, I. Zozuli: semantika i funkcii imeni* [Anthroponymic space of the story «Wolves Do Not Sleep» by L. Gabyshev, I. Zozulya: semantics and functions of the name]. *Litera* [Litera], 2020, no. 9, pp. 142–150. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.9.33759. (In Russian)
7. Glazkova M. M. *Lingvopoetika imeni v novejshej russkoj literature (na materiale proze Zahara Prilepina i Lyudmily Ulickoj)* [Linguopoetics of a name in the latest Russian literature (based on the prose of Zakhar Prilepin and Lyudmila Ulitskaya)]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Researches], 2019, no. 1, pp. 158–167. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.1.28908. (In Russian)
8. Dyomin V. I., Sheyanova S. V. *Poetika imeni v sovremennom mordovskom romane* [Poetics of a name in the modern Mordovian novel]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2014, no. 1, pp. 43–48. (In Russian)
9. Doronin A. *Kochkodykes' – paksya narmun'* [The Quail Is A Field Bird]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993. 380 p. (In Erzya)
10. Dyadyun S. D. *Antroponimija hantyjskih skazok* [Anthroponymy of Khanty fairy tales]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 5 (4), pp. 33–36. (In Russian)
11. Karpenko Yu. A. *Imya sobstvennoe v hudozhestvennoj literature* [A proper name in fiction]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1986, no. 4, pp. 34–40. (In Russian)
12. Kasatkina T. A. *K voprosu o funkciyah imen v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo* [To the question of the functions of names in the works of F. M. Dostoevsky]. *Imya v literaturnom proizvedenii: hudozhestvennaya semantika* [Name in a literary work: artistic semantics]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2015. pp. 231–250. (In Russian)
13. Kuznetsova T. B., Borisova T. G. *Tradicii i novacii v postroenii antroponimicheskogo prostranstva rasskazov T. N. Tolstoj* [Traditions and innovations in constructing the anthroponymic space in stories by T. N. Tolstaya]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2019, no. 4, pp. 113–119. (In Russian)
14. Melnikova N. A. *Imya v sisteme poeticheskogo yazyka Velimira Hlebnikova* [Name in the system of poetic language of Velimir Khlebnikov]. Omsk, 2004. 203 p. (In Russian)
15. Mikhaylov V. N. *Sobstvennye imena kak stilisticheskaya kategoriya v russkoj literature* [Proper names as a stylistic category in Russian literature]. Lutsk, 1965. 54 p. (In Russian)
16. Novikova O. V., Lapyrina N. N. *Antroponimicheskoe prostranstvo romana A. Varlamova «Dusha moyego angela»* [Anthroponymic space of A. Varlamov's novel «My Soul Is An Angel»]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], 2020, no. 4 (39), pp. 66–76. (In Russian)
17. Sushkova Yu. N. *Yuridiko-antropologicheskie aspekty imeni u mordvy* [Legal and anthropological aspects of a name of the Mordovian people]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Higher Education Institutes. Volga region. Humanities], 2008, no. 2, pp. 16–25. (In Russian)
18. Florenskiy P. *Imena* [Names]. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 400 p. (In Russian)
19. Fonyakova O. I. *Imya sobstvennoe v hudozhestvennom tekste* [A proper name in literary text]. Leningrad, 1990. 104 p. (In Russian)
20. Frolov N. K. *Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu. T. 1. Antroponimika. Russkij yazyk i kul'tura rechi* [Selected works on linguistics. Vol. 1. Anthroponimics. Russian language and culture of speech]. Tyumen: Izd-vo Tyumen. gos. un-ta Publ., 2005. 512 p. (In Russian)
21. Chetvergov E. *Vanine* [Vanechka]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2011. 204 p. (In Erzya)
22. Chetvergov E. *Tese dy Toso* [Here and There]. Saransk, 2013. 180 p. (In Erzya)
23. Sheyanova S. V. *Sovremennyy mordovskij roman (1980–2000-e gg.): tipologiya, problematika, poetika* [Modern Mordovian novel (1980–2000s): typology, problems, poetics]. Saransk, 2014. 41 p. (In Russian)
24. Debus F. Funktionen literarischer Namen. *Onomastika*, 2003, no. 48, pp. 5–15. (In German)
25. Kohlheim V. Hengst K. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie. *Namenkundliche Informationen*, 2004, no. 85/86, pp. 17–31. (In German)
26. Lamping D. *Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens*. Bonn: Bouvier, 1983. 135 p. (In German)
27. Leal A. Affirmative Naming in No Name. *Names. A Journal of Onomastics*, 2004, no. 52 (1), pp. 3–19. (In English)
28. Ferry A. Anonymity: The Literary History of the Word. *New Literary History*, 2002, no. 33 (2), pp. 193–214. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

Юсупов Айрат Фаикович, доцент кафедры татарского языкознания Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет (420035, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстана, д. 2), кандидат филологических наук, доцент.

faikovich@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0363-5303

ABOUT THE AUTHORS

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor of the Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

Yusupov Ayrat Faikovich, Associate Professor of the Department of Tatar Linguistics, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (420035, Republic of Tatarstan, Kazan, Tatarstan st, 2), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

faikovich@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0363-5303